

Прево Антуан Франсуа

История одной гречанки

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84-4

Прево Антуан Франсуа

История одной гречанки / Прево Антуан Франсуа – М.: Книга по Требованию, 2011. – 136 с.

ISBN 978-5-4241-1442-7

Антуан-Франсуа Прево д'Экзиль (1697-1763) - автор многотомных романов. Полных необычайных приключений и таинственных преступлений, вошедший в историю литературы под именем аббата Прево, прожил столь же богатую приключениями жизнь. Будучи послушником ордена бенедиктинцев, он самовольно оставил монастырь и вынужден был скрываться в Англии, где стал издателем французского журнала, который почти целиком писал сам. В 1734 г. он вернулся во Францию, но вскоре снова был выслан за ее пределы. После вторичного возвращения на родину аббат Прево был назначен настоятелем монастыря в одном из провинциальных городов Франции, где до последних дней жизни занимался литературным трудом.

ISBN 978-5-4241-1442-7

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Антуан-Франсуа д'Экзиль
Превос
ИСТОРИЯ ОДНОЙ
ГРЕЧАНКИ

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Эта история не нуждается в предисловии, однако так уж принято, чтобы любая книга начиналась с него. В данном случае мы только предупредим читателя, что не обещаем ему ни раскрытия имен, упомянутых в этой истории, ни каких-либо разъяснений касательно описываемых событий, ни малейших намеков, которые помогли бы ему о чем-то догадаться или понять что-либо, чего он не поймет сам. Рукопись эта была найдена среди бумаг человека, хорошо известного в свете. Мы постарались сделать стиль ее приемлемым, не нарушая ни простоты повествования, ни силы описываемых чувств. Все в ней дышит нежностью, благородством и добродетелью. Пусть же отправится она в странствие под этими почтенными знаменами и пусть успехом своим будет обязана лишь самой себе.

Мы удалили из нее излишний турецкий колорит, который только утяжелил бы повествование, и всюду, где было возможно, заменили иностранные термины французскими. Так, вместо «гарема» мы пишем «сераль», хотя и известно, что гарем не что иное, как частный сераль; слово «базар» заменено словом «рынок» и т.д. Сделано это для удобства тех, кто мало знаком с восточным бытом, ибо во всех книгах, посвященных Востоку, легко найти пояснения всех этих терминов.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Не насторожит ли читателя признание, с которого я начну свой рассказ? Я любил красавицу гречанку, историю которой я собираюсь написать. Кто поверит, что я чистосердечен в изображении своих утех и горестей? Кто не усомнится в правдивости моих описаний и моих восторженных похвал? Не исказит ли бушующая страсть картину всего, что мне суждено было увидеть и совершить? Словом, можно ли ожидать правдивости от пера, коим водит любовь? Вот соображения, которые вполне могут насторожить читателя. Но если он человек просвещенный, он сразу же поймет, что, исповедуясь во всем этом столь откровенно, я твердо верю, что второе мое признание сразу же развеет сомнения, вызванные первым. Я долго любил, признаюсь и в этом, а быть может, и сейчас еще не настолько изжил роковую отраву, как мне удалось убедить в этом самого себя? Но любовь всегда приносила мне одни лишь горести. Мне не суждено было вкушать не только ее усад, но даже ее благодатных иллюзий, которые, при моем ослеплении, несомненно, могли бы заменить мне подлинное счастье. Я — любовник отвергнутый, даже обманутый, если верить признакам, судить о которых я предоставляю читателю. В то же время любимая мною ценила меня, слушалась как отца, уважала как властелина, советовалась со мною как с другом; но это ли награда за чувство, подобное моему? Горечь от пережитого мною все еще дает себя знать; так можно ли думать, что похвалы мои чрезмерны и что я преувеличиваю свое чувство к неблагодарной, искалечившей всю мою жизнь?

Я служил в королевском посольстве при иностранном дворе, интриги и обычаи которого знал лучше, чем кто-либо. Я приехал в Константинополь, уже в совершенстве владея турецким языком, и это сразу же расположило ко мне окружающих и внушило доверие, которое большинство послов завоевывает лишь после длительных испытаний; турки дивились тому, что француз может оказаться, если позволено так выразиться, отуреченным не менее, чем коренные обитатели страны, и уже само это редкостное явление с первых же дней снискало мне их благосклонность и особое уважение. Я всегда сочувственно относился к их обычаям и нравам, и это еще больше привязывало их ко мне. Они даже вообразили, что раз у меня так много общего с турками, значит, я сочувствую и их вере, а потому они стали еще больше уважать меня; все это привело к тому, что я почувствовал себя в стране, где не прожил еще и двух месяцев, столь же свободно и непринужденно, словно в своем родном краю.

Служебные мои обязанности позволяли мне много бродить по городу, и я старался пользоваться этим, чтобы удовлетворить свое любопытство и вместе с тем пополнять познания. Вдобавок я еще находился в том возрасте, когда тяга к удовольствиям идет рука об руку с охотой к серьезным делам, и, отправляясь в Азию, я как раз и намеревался удовлетворять обеим этим склонностям. Развлечения, коим предавались турки, оказались не такими уж причудливыми и в скором времени и мне стали доставлять удовольствие. Я боялся только, что здесь труднее будет удовлетворять свойственное мне влечение к женщинам. Их содержат в Турции весьма строго, так что даже увидеть их трудно, а потому я уже решил подавить в себе эту склонность и предпочесть тихую жизнь утехам, доступ к коим столь затруднителен.

Между тем у меня завязались хорошие отношения с несколькими турецкими вельможами, которые слыли особенно разборчивыми в выборе жен и располагали в своих сералях прекраснейшими женщинами. Они много раз очень ласково и почтительно принимали меня в своих дворцах. Я заметил, что в разговорах они никогда не касаются любовных тем и что даже непринужденные их беседы не выходят за рамки рассуждений об охоте, о вкусных яствах и о мелких придворных или городских событиях, над которыми можно посмеяться. Я был так же сдержан, как и они, и только жалел, что из-за излишней ревности или из-за отсутствия вкуса они избегают самой приятной темы, могущей оживить беседу. Но я заблуждался насчет их намерений. Они хотели только испытать мою скромность, или, вернее сказать, зная, как высоко ценят французы женские чары, они словно сговорились подождать, чтобы я мог обнаружить свой нрав. Во всяком случае, вскоре они дали мне повод так думать.

Один бывший паша, безмятежно наслаждавшийся сокровищами, накопленными за долгие годы службы, выказывал мне всяческие знаки уважения, в ответ на которые я неизменно изливался в благодарности и преданности. В его доме я чувствовал себя непринужденно, словно в своем собственном. Мне были знакомы все его хоромы, кроме женской половины, и я упорно не обращал взора в ту сторону. Он заметил эту особенность моего поведения, и, не сомневаясь в том, что я все же знаю, где расположен его сераль, он несколько раз приглашал меня прогуляться вместе с ним по саду, примыкавшему к дворцу. Наконец, видя, что я упорно храню молчание, он с улыбкой сказал мне, что восхищается моею скромностью.

— Вам известно, — добавил он, — что я обладаю прекрасными женщинами, а вы не в таком возрасте и не такого нрава, чтобы быть к ним равнодушным. Удивительно, что вы не проявляете любопытства и желания их видеть.

— Я знаком с вашими обычаями и никогда не стану просить, чтобы их нарушили ради меня, — ответил я равнодушно. — Обладая некоторым знанием света, — продолжал я, спокойно глядя на него, — я понял, когда прибыл в вашу страну, что раз у вас так тщательно оберегают женщин, то любопытство и нескромность должны почитаться особенно предосудительными пороками. Зачем же оскорблять своих друзей расспросами, которые могут прийти им не по душе?

Он высоко оценил мой ответ. Он признался, что неоднократные примеры излишней вольности французов весьма насторожили турок против них и что поэтому ему особенно приятно, что я придерживаюсь столь разумных взглядов. Он тут же предложил мне показать свой сераль. Я отнесся к этой милости без особого восторга. Мы направились в помещение, описывать которое не входит в мою задачу. Но я был настолько поражен порядками, царившими там, что без труда запомнил многие подробности.

Все жены паши, которых насчитывалось двадцать две, находились вместе в зале, предназначенном для их занятий. Они разбиты на группы; одни рисовали цветы, другие шили или вышивали — соответственно своим способностям или вкусам, следовать которым они были вполне вольны. Мне показалось, что платья у всех из одной и той же ткани, во всяком случае одинакового цвета, зато прически у всех были разные, и я понял, что они приноровлены к чертам лица. По углам зала толпилось много служанок и слуг, готовых немедленно исполнить

малейшие прихоти женщин; я заметил, однако, что слуги, которых я принял за мужчин, в действительности — евнухи. Но как только мы вошли, все слуги удалились, а двадцать две дамы встали; замерев на месте, они ждали распоряжений своего повелителя или объяснения, чем вызван наш приход, по-видимому, крайне удививший их. Я по очереди вглядывался в их лица; они были разного возраста; я не заметил ни одной старше тридцати лет на вид, зато и ни одной столь юной, как я предполагал; самым молоденьким было по меньшей мере шестнадцать-семнадцать лет.

Шерибер — так звали пашу — учтиво попросил их приблизиться и, кратко пояснив, кто я такой, предложил им как-нибудь развлечь меня. Они велели подать им различные музыкальные инструменты, и некоторые стали играть на них, а другие принялись довольно легко и изящно плясать. Зрелище это длилось больше часа, после чего паша распорядился подать освежающие напитки, и их разнесли во все уголки зала, где женщины заняли свои прежние места. Я еще не имел случая произнести ни единого слова. Наконец паша спросил, какое впечатление произвело на меня это изящное собрание; я воздал должное очарованию собранных здесь красавиц, а он пустился в весьма здравые рассуждения о могуществе воспитания и привычки, благодаря коим даже самые прекрасные женщины в Турции смиренны и покорны, в то время как другим народам, говорят, постоянно приходится жаловаться на волнения и раздоры, которые возникают из-за красивых женщин. В ответ я высказал несколько замечаний, лестных для турецких дам.

— Нет, — возразил он, — дело не в том, что у наших женщин другой нрав, чем у женщин прочих стран. Из двадцати двух, которых вы видите здесь, лишь четыре коренные турчанки. Большинство же — рабыни, которых я купил, не считаясь с их происхождением.

Обратив мое внимание на одну из самых юных и привлекательных, он пояснил:

— Вот гречанка; она у меня только полгода. Не знаю, кому она принадлежала раньше. Я купил ее случайно, только за ее миловидность и веселый нрав. Как видите, она так же довольна своей участью, как и ее подруги. Однако я замечаю в ней столь живой и развитой ум, что иной раз дивлюсь, как это ей удалось так скоро усвоить наши обычаи, и не могу объяснить это не чем иным, как силою привычки и окружающих примеров. Поговорите с нею, — предложил он, — и я уверен, вы найдете в ней все достоинства, благодаря которым женщина достигает у вас самого высокого положения и может вершить большие дела.

Я подошел к ней. Она увлекалась живописью; она, видимо, мало обращала внимания на то, что происходит в зале, и, едва кончила плясать, сразу же опять взялась за кисть. Попросив прощения, что отрываю ее от работы, я не нашел ничего лучшего как продолжить тему моего разговора с Шерибером. Я похвалил ее нрав, который так ценит ее господин; я не скрыл от нее, что мне известно, сколько времени она принадлежит ему, и поздравил ее с тем, что за столь короткий срок она так хорошо свыклась с обычаями и с укладом жизни турецких дам. Ответ ее был прост. Женщина, по ее словам, не может рассчитывать на иное счастье, кроме счастья угождать своему повелителю, и поэтому она очень рада, что Шерибер о ней столь лестного мнения. А я, принимая это во внимание, не должен удивляться, что она так легко подчинилась порядкам, установленным им

для своих невольниц. Столь искренняя покорность воле старика со стороны прелестной девушки, которой на вид не было и шестнадцати лет, удивила меня больше, чем все, что рассказал мне паша. И весь облик, и речь юной рабыни подтверждали, что она действительно преисполнена теми чувствами, о которых говорит. Мысленно сопоставив ее взгляды со взглядами наших дам, я невольно выразил сожаление, что она рождена для иной судьбы, чем та, какую заслуживает своею добротой и покорностью. Я с горечью рассказал ей о невзгодах, нередко постигающих мужчин в христианских странах, где мы идем на все, чтобы дать женщинам счастье, где мы относимся к женщинам скорее как к королевам, чем как к рабыням, безраздельно посвящаем им жизнь и просим за это только ласки, нежности и добронравия, а между тем почти всегда оказывается, что мужчина ошибся в выборе супруги, которой он дарует свое имя, свое общественное положение и состояние. Мне показалось, что собеседница жадно вслушивается в мои суждения, и я продолжал рассуждать о том, как счастлив был бы француз, находя в своей подруге добродетели, которые как бы пропадают зря у турецких дам, ибо они, к несчастью, никогда не встречают у мужчин ответного чувства.

Мною овладело такое волнение, что, сознаюсь, я почти не давал собеседнице времени отвечать мне. Беседу нашу прервал Шерибер. Быть может, он заметил, с каким пылом разговариваю я с его невольницей; но я, не имея никаких оснований упрекать себя в злоупотреблении его доверием, спокойно вернулся к нему. В расспросах его не чувствовалось ни малейших признаков ревности. Наоборот, он обещал почаще развлекать меня таким зрелищем, если оно пришлось мне по вкусу.

В последующие несколько дней я нарочно воздерживался от встречи с пашой, чтобы доказать полное мое равнодушие к женщинам и тем самым предупредить возможные его сомнения на этот счет. А когда он приехал ко мне, чтобы попрекнуть меня в том, будто я его забыл, один из рабов, сопровождавших его, передал моему слуге письмо. Вручено оно было моему камердинеру, который и доставил мне его так же таинственно, как и получил. Распечатав конверт, я нашел в нем записку на греческом языке, которого еще не знал, хотя незадолго перед тем и начал изучать. Я тотчас же послал за своим учителем, слышшим вполне порядочным человеком, и просил его растолковать мне, о чем там идет речь, — словно письмо попало в мои руки случайно. Учитель перевел мне его; я сразу же понял, что оно от юной гречанки, с которой я беседовал в серале пашы. Но я никак не ожидал того, что содержалось в этом послании. Сетую на свой горестный удел, она во имя того уважения, с каким я отзывался о добродетельных женщинах, заклинала меня воспользоваться моим влиянием, дабы вырвать ее из рук пашы.

Она не возбуждала во мне никаких иных чувств, кроме вполне естественного восхищения ее красотой, и, придерживаясь принятых мною правил поведения, я отнюдь не собирался пускаться в приключение, от которого мог ждать куда больше бед, нежели радостей. Я не сомневался, что юную рабыню обворожила картина счастливой жизни наших женщин, которую я в немногих словах описал ей, и что ей стало невольно затворничество в серале; у нее возникла надежда, что она встретит с моей стороны те самые чувства, которые я так восхвалял у своих соотечественников, и ей вздумалось затеять со мною любовную интрижку. Поразмыслив об опасностях, которыми чревата для меня такая прихоть, я еще

больше утвердился в своем прежнем решении. Однако естественное желание услужить милой женщине, жизнь коей, как мне казалось, со временем превратится в подлинную пытку, побудило меня задуматься, нельзя ли вернуть ей свободу законным путем. Мне пришло в голову испытать одну из таких возможностей, причем это потребует от меня только некоторой щедрости: я задумал выкупить девушку. Боязнь оскорбить пашу подобным предложением чуть было не остановила меня. Но я разработал такой план, который вполне успокоил мою щепетильность.

У меня завязались весьма дружеские отношения с сияхтаром, одним из влиятельнейших людей Османской империи. Я решил признаться ему, что хотел бы купить рабыню, принадлежащую паше Шериберу, и вместе с тем просить его взять на себя эти хлопоты, как будто он хочет приобрести ее для самого себя. Сияхтар охотно согласился, не придав этой услуге особого значения. Цену я предоставил на его усмотрение. Шерибер так благоговел перед высоким положением сияхтара, что оказался сговорчивее, чем я мог предполагать. Сияхтар в тот же день дал мне знать, что паша согласен и что цена определена в тысячу экю.

Я радовался, что деньги мои пойдут на столь благое дело; но накануне дня, когда мне предстояло получить желаемое, у меня возникло соображение, которое я на первых порах совсем упустил из виду, а именно: что станет с юной рабыней и на что она рассчитывает по выходе из серала? Не собирается ли она приехать ко мне и обосноваться в моем доме? Она казалась мне достаточно привлекательной, чтобы я позаботился о ее благополучии; но помимо того, что я обязан был считаться со своей челядью и держаться в рамках благопристойности, как мог я избежать того, что паша рано или поздно узнает, где обрела она убежище, и не наскочу ли поневоле на тот самый подводный камень, которого надеялся избежать? Мысль эта настолько охладила мое рвение, что на следующий день при встрече с сияхтаром я высказал сожаление, что вовлек его в дело, которое может огорчить пашу. И, даже не заикнувшись о тысяче экю, которую следовало бы ему отдать, я отправился к Шериберу. Раздираемый одновременно и желанием услужить рабыне, и тревогой насчет грозящих мне осложнений, и боязнью огорчить моего друга, я рад был бы подыскать какой-нибудь повод, чтобы окончательно отказаться от этого замысла; я подумал, не лучше ли открыться самому паше, чтобы по крайней мере выяснить, не слишком ли тяжела для него жертва, которую от него требуют. Мне казалось, что ссылка на боязнь обидеть друга будет достаточно уважительной, чтобы я мог, не нарушая правил вежливости, уклониться от исполнения женской прихоти. Шерибер так обрадовался мне и так изливался в своих чувствах, что опередил меня, не дав мне времени ему открыться, и тут же сообщил, что в его серале стало одной женщиной меньше: юная гречанка, с которой он предоставил мне возможность побеседовать, продана сияхтару. Он рассказывал об этом весьма непринужденно, и, судя по этому, я понял, что он не особенно огорчен утратой юной невольницы. В дальнейшем я еще более убедился в том, что он совершенно равнодушен к женщинам. Он был в том возрасте, когда плотские вожделения уже не терзают мужчину, а на свой сераль он тратился не столько по сердечной склонности, сколько из тщеславия. Осознав это, я махнул рукой на щепетильность и даже не стал признаваться ему в своих сомнениях; я предоставил ему воображать, будто теперь он имеет неоспоримое право рассчитывать на признательность сияхтара.

Тем не менее, когда он предложил мне заглянуть в сераль, я заметил, что он колеблется — как ему держать себя с проданной рабыней.

— Она не знает, что у нее будет новый хозяин, — сказал он. — Я так часто давал ей доказательства своего расположения, что гордость ее будет уязвлена, когда она узнает, как легко я согласился уступить ее другому. Вы сами увидите, — добавил он, — как она будет прощаться со мною; ведь сейчас мы с ней увидимся в последний раз. Я сказал сияхтару, что он может увести ее в любое время.

Я предвидел, что для меня эта сцена не будет лишена приятности, однако вовсе не по тем причинам, по каким она должна оказаться стеснительной для паши. На письмо юной гречанки я не решился ответить ни единым словом, а потому предполагал, что она будет крайне огорчена, узнав, что ей суждено перейти в сераль сияхтара, где ее ждет еще более тяжкая неволя. Как же прискорбно будет ей узнать об этом в моем присутствии и скрыть свое горе! Раб Шерибера дважды приходил ко мне за ответом на письмо, но я ограничился приказанием устно передать ей, что всячески постараюсь оправдать ожидания, которые на меня возлагают.

Вместо того, чтобы отправиться в общий зал, паша распорядился сказать гречанке, чтобы она пришла к нам в одну из небольших комнат и чтобы туда, кроме нее, никого не пускали. По смущению, охватившему ее, когда она вошла к нам, я понял, как она взволнована. Увидев нас вместе, она подумала, что я откликнулся на ее мольбу и пришел возвестить ей о ее освобождении. Первые любезные слова паши вполне могли подкрепить такую надежду. Он очень ласково и учтиво сказал ей, что, как он ни расположен к ней, он не мог не уступить могущественному другу своих прав на ее сердце; но он утешается тем, добавил паша, что может поручиться ей, что она попадает в руки благороднейшего человека; вдобавок это один из самых влиятельных вельмож империи, и он может, благодаря своему богатству и страстной натуре, осчастливить женщин, которым суждено нравиться ему. Он назвал сияхтара. Гречанка обратила на меня отчаянный взгляд, лицо ее сразу приняло скорбное выражение, словно она упрекала меня за то, что я превратно понял ее намерения. Она догадывалась, что не кто иной, как я освобождаю ее из сераля Шерибера, однако лишь для того, чтобы отдать ее из одного рабства в другое и что, следовательно, я неверно истолковал ее слова или не посчитался с побуждениями, о коих она поведала мне, прося ей помочь. Шерибер же был твердо убежден, что волнение девушки объясняется не иначе как сожалением о предстоящей разлуке с ним. Она еще более укрепила его в этом заблуждении, когда стала уверять, что если уж ей суждено жить в таких условиях, то она желала бы другого хозяина; скорбь ее изливалась в столь нежных и настоятельных жалобах, что, как я заметил, паша уже готов был забыть свое обещание. Но я принял его колебания всего лишь за преходящий порыв и был взволнован ими куда меньше, чем слезами прекрасной гречанки; я поспешил прийти к обоим на помощь, сказав им несколько ободряющих слов.

— Горе, которое причиняет паше разлука с вами, должна служить вам утешением, — сказал я невольнице. — А если вас тревожит мысль о том, что ждет вас у сияхтара, то я с ним в таких хороших отношениях, что могу поручиться: там вы будете счастливы и станете полной хозяйкой своей судьбы.

Она подняла на меня взор и так проникновенно заглянула мне в глаза, что прочла в них мою мысль. Шерибер не усмотрел в моих словах ничего, что про-

тиворечило бы его намерениям. После этого наша беседа проходила спокойнее. Он засыпал ее подарками и пожелал, чтобы я принял участие в их выборе. Потом он попросил меня не осудить его за желание обойтись с ней запросто и увел ее в другую комнату, где они пробыли наедине более четверти часа. Я убежден, что он поступил так только потому, что хотел в последний раз доказать ей свое расположение. Я отнесся к его поступку без малейшего волнения, и это служит порукой, что сердце мое ничуть не было затронуто.

Между тем дело зашло так далеко, что уже нечего было раздумывать, и я поспешил домой за тысячью экю и немедленно отвез деньги сияхтару. Он дружески осведомился, не открою ли я своего секрета, а в виде единственной награды за оказанную им услугу попросил меня сказать по крайней мере каким образом у меня завязались отношения с рабыней Шерибера. Мне незачем было таиться, и я рассказал ему, с чего началась эта история и в чем ее сущность. Когда же он дал мне понять, что трудно поверить, будто только великодушные побуждают меня услужить столь прекрасной девушке, какою я описал ему юную гречанку, я поклялся, что ничуть не увлечен ею и, помышляя лишь о том, как бы вернуть ей свободу, обеспокоен вопросом, что она намерена предпринять по выходе из неволи; я говорил так искренне, что у него не могло остаться никаких сомнений насчет моих чувств. Он назначил срок, когда я могу приехать к нему за невольницей. Я ждал этого часа без особого нетерпения. Мы уговорились встретиться в ночное время, чтобы скрыть переезд от посторонних. Около девяти часов вечера я отправил к сияхтару своего камердинера в скромной карете, дабы она не привлекла внимания прохожих, и приказал ему просто сказать, чтоб доложили сияхтару, что он приехал от моего имени и ждет у ворот. Ему ответили, что сияхтар повидается со мною на другой день и тогда расскажет, что он для меня сделал.

Отсрочка эта ничуть не встревожила меня. Чем бы она ни была вызвана, я со своей стороны сделал все, что мне подсказывали честь и великодушие; и радость, которую должно было принести мне успешное завершение затеи, объяснялась только двумя этими причинами. Тем временем я сосредоточенно обдумывал, как мне вести себя с юной рабыней. По многим соображениям я не мог оставить ее у себя. Даже толкуя в самом лестном для себя смысле ее решение обратиться за помощью именно ко мне, которое можно было принять за намерение дать мне возможность наслаждаться ее красотой, я все же не собирался открыто сделать ее своей наложницей. Я переговорил с учителем греческого языка, которому в конце концов вполне доверился. Он был женат. Жена его должна была принять невольницу из рук моего камердинера, а я собирался на другой день отправить-ся к ней и узнать, чем я еще могу быть ей полезен.

Но причины, по которым сияхтар отложил передачу невольницы, оказались серьезнее, чем я предполагал. Когда я к нему приехал, он как раз собирался ко мне; мое появление и первые мои вопросы заметно смутили его. Он ответил мне не сразу. Потом, нежно обняв меня, — чего я, зная его нрав, отнюдь не ожидал, — он попросил меня вспомнить, в чем я уверял его накануне, и уверял так горячо, что он не мог заподозрить меня в неискренности. Он подождал, давая мне возможность еще раз подтвердить мои уверения, и, снова заключив меня в объятия, но уже с более непринужденным и веселым видом, сказал, что он — счастливейший из смертных, поскольку, восплавав жгучей страстью к невольнице Шерибе-